

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1

Злобин А.А.

Вятский государственный университет

СМЫСЛОВОЕ НАПОЛНЕНИЕ КОНЦЕПТА *ШАРАШКА* И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РОМАНЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «В КРУГЕ ПЕРВОМ»

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям лексической репрезентации концепта *шарашка* в романе А.И. Солженицына «В круге первом». Определено его значение, место в языковой картине мира писателя, рассмотрены сочетаемостные возможности. Проанализировано соотношение семантических компонентов концепта *шарашка* со смысловыми фрагментами ключевых для А.И. Солженицына концептов *воля* и *свобода*. Охарактеризованы лексические единицы, репрезентирующие данные концепты: *вольные, вольняшки, свобода, освобождение, освободить*. Сделан вывод о расширении смыслового пространства концепта *шарашка*.

Ключевые слова: концепт *шарашка*, семантика, лексическая репрезентация, язык А.И. Солженицына.

A. Zlobin

Vyatka State University

SEMANTIC MEANING AND REPRESENTATION OF THE «SHARASHKA» CONCEPT IN THE A. SOLZHENITSIN'S NOVEL «THE FIRST CIRCLE»

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the lexical representation of the «sharashka» concept in Solzhenitsin's novel «The First Circle». It determines the concept's value, place in the language picture of the world of the writer, and considers the possibilities of the compatibility. The point of correlation between the concept's semantic components and sense fragments of Solzhenitsin's «freedom» and «volya» key concepts is analyzed. The conclusion about broadening of the concept «sharashka» semantic area has been drawn.

Keywords: concept «sharashka», semantics, lexical representation, A. Solzhenitsin.

Известно, что действительность подвергается категоризации со стороны языка, то есть язык является неким опосредующим элементом между миром и сознанием человека. Концептуализация мира – процесс его освоения посредством языка, а концепты – компоненты познанного мира, репрезентированные в языке.

Особый интерес сегодня представляет собой языковая картина мира писателя, раскрывающаяся в его конкретном произведении и творчестве в целом. В связи с этим по-прежнему актуальны работы, связанные с изучением ключевых концептов в художественном тексте.

Объектом анализа данной статьи является концепт **шарашка** в языковой картине мира А.И. Солженицына. В знаковом романе автора «В круге первом» лексема **шарашка**, являющаяся репрезентатором одноимённого концепта, зафиксирована в 125 случаях.

В «Толковом словаре конца XX века. Языковые изменения» у данной лексической единицы, которая является элементом лагерного жаргона, фиксируется следующее значение: «В советское время – закрытое конструкторское бюро тюремного режима, в котором заключённые (учёные, конструкторы, инженеры) работали над решением военных и промышленных проблем» [6, с. 675].

Данное значение и реализуется в романе А.И. Солженицына, действие которого происходит в Марфинском научно-исследовательском институте, где используется труд заключённых – высококлассных учёных: физиков, математиков, филологов.

Уже на первых страницах романа автор раскрывает сущность и назна-

чение шарашки: *Все эти шарашки повелись с девятьсот тридцатого года, как стали инженеров косяками гнать. Первая была на Фуркасовском, проект Беломора составляли. Потом – Рамзинская. Опыт понравился. На воле невозможно собрать в одной конструкторской группе двух больших инженеров или двух больших учёных: начинают бороться за имя, за славу, за сталинскую премию, обязательно один другого выживет. Поэтому все конструкторские бюро на воле – это бледный кружок вокруг одной яркой головы. А на шарашке? Ни слава, ни деньги никому не грозят. Николаю Николаичу полстакана сметаны и Петру Петровичу полстакана сметаны. Дюжина медведей мирно живёт в одной берлоге, потому что деться некуда. Поиграют в шахматки, покурят – скучно. Может, изобретем что-нибудь? Давайте! Так создано многое в нашей науке! И в этом – основная идея шарашек* [5, с. 81].

Статистические данные свидетельствуют о том, что основной синтаксической функцией для анализируемой лексемы является функция обстоятельства места, где выступает в качестве зависимого компонента не-предикативного подчинительного словосочетания, например: *Как-то, летним вечером сорок восьмого года, на марфинскую шарашку привезли нового зека* [5, с. 64].

Лексема **шарашка** чаще находится в грамматической зависимости у глаголов «бытия» и «состояния» (*быть, жить, оказаться, оставаться, понасть, пребывать, проживать, находиться*), значительно реже – у глаголов «движения» (*вернуться, гулять, идти*). Ср.: *Рубин на шарашку попал*

случайно. Перебивался тут переводами [5, с. 71]; Руська **был на шарашке** с лета [5, с. 86].

Главные герои романа – это люди, находящиеся в тюремном научно-исследовательском институте (спецтюрьме № 1 МГБ). Ситуация пребывания на шарашке расценивается ими по-разному.

С одной стороны, это место заключения, тотальной несвободы: *Ничего я, ребята, не жалею, что уехал. Разве это жизнь – на шарашке? По коридору идёшь – на Сиромаху наступишь, каждый пятый – стукач <...> Воскресений уже два года нет, сволочи. Двенадцать часов рабочий день! За двадцать грамм маслица все мозги отдай. Переписку с домом запретили* [5, с. 757-758].

С другой стороны, живя в условиях шарашки, человек способен различить подлинные и мнимые ценности, открыть высший смысл жизни: *Только в тюрьме, а не на семейной воле, мужчина так свободен в мыслях, не связан в поступках и готов к жертвам* [5, с. 104]; *В эти часы воскресных вечеров материя и тело не напоминали людям о себе. Дух мужской дружбы и философии парил под парусным сводом потолка. Может быть, это и было то блаженство, которое тщетно пытались определить все философы древности?* [5, с. 393].

А.И. Солженицын в романе постоянно подчёркивает, что **шарашка** – это лучший круг ГУЛАГа: *<...> Нет, уважаемый, вы по-прежнему в аду, но поднялись в его лучший высший круг – в первый. Вы спрашиваете, что такое шарашка? Шарашку придумал, если хотите, Данте. Он разрывался – куда ему поместить античных мудрецов? Долг христианина повелевал кинуть*

этих язычников в ад. Но совесть возрожденца не могла примириться. Чтобы светлоумных мужей смешать с прочими грешниками и обречь телесным пыткам. И Данте придумал для них в аду особое место <...> [5, с. 21-22]. Важным представляется также суждение Глеба Нержина, отправляющегося назад в лагерь: *Нет, Илья Терентьевич, это не ад. Это – не ад! В ад мы возвращаемся. А шарашка – высший, лучший первый круг ада. Это – почти рай* [5, с. 758].

Отдельные семантические компоненты рассматриваемого концепта соотносятся со смысловыми фрагментами других ключевых концептов языковой картины мира писателя – таких, как **воля** [3] и **свобода** [2].

Люди, пребывающие на шарашке, противопоставлены тем, кто находится на воле. Для номинации последних в романе используются две лексические единицы: **вольные** (27 примеров) и **вольняшки** (21 пример). Ср.: *Он отбыл свои положенные десять лет, после чего во внимание к длинному списку научных заслуг послан был в Марфино к **вольным** и проработал здесь три года* [5, с. 170]; *Но несмотря на тщательное оповещение о лекции, несмотря на всю притягательность её, марфинские **вольняшки** тянулись на неё как-то лениво и под разными предлогами старались задержаться в лабораториях* [5, с. 659].

Вольняшки, вольные у А. И. Солженицына – это те, кто не понимает истинных ценностей: **Вольняшки не знают цены вещам!** Для зэка, кому не всегда доступно дешёвенькое зеркальце меньше ладони, посмотреть на себя в большое зеркало – праздник [5, с. 101].

Люди, живущие на воле, по мнению писателя, не могут обрести подлинной

свободы и быть по-настоящему свободными: *У вольняшек не было бессмертной души, добываемой зэками в их бесконечных сроках, вольняшки жадно и неумело пользовались отпущенной им свободой, они погрязли в маленьких замыслах, суетных поступках* [5, с. 647-648].

В романе лексема *воля* в значении «свободное состояние, не в тюрьме, не взаперти» [4, с. 95] и производные лексические единицы – *вольные* и *вольняшки* – употребляются преимущественно заключёнными марфинской шарашки, например: *Я – здесь, а Иван Иванович отпросился штопать носки. Но мне, встречно, хотелось бы узнать, где шестнадцать вольных – то есть, товарищей, значительно более ответственных, чем мы?* [5, с. 236]; *Впрочем, профессор Челнов утверждал, что выражение это – «вложить душу», должно употребляться с осторожностью, что только зэк имеет бессмертную душу, а вольняшке бывает за суетою отказано в ней* [5, с. 227].

К подобному выводу приходит А.Д. Шмелёв: «В речи советских заключённых слово *воля* обозначало весь мир за пределами системы лагерей и в таком употреблении отразилось в представлении о *воле* как о внешнем, постороннем мире. Характерно, что слово *воля* (и его производные *вольный*, *вольняшка*) в таком значении могло употребляться только самими заключёнными, а также говорящими, как бы становящимися на их «точку зрения» [7, с. 34-35].

Сталин и созданная им система лагерей в представлении заключённых марфинской шарашки – олицетворение насилия над личностью, тотальной несвободы. Поэтому свобода

для заключённых обладает высшей ценностью. Совершенно естественно, что лексема *свобода* и производные лексические единицы *освободить*, *освобождение* используются в романе А.И. Солженицына достаточно часто (около 100 словоупотреблений).

Находясь на шарашке, заключённые мечтают о скорейшем освобождении. Ситуация выхода на свободу рассматривается как очень желаемая. Она, как правило, включает двух обязательных участников: объекта освобождения (того, кто стремится на свободу) и субъекта освобождения (того, кто способен дать свободу).

Объекты освобождения – заключённые Марфинской шарашки: *Сологдин, Нержин, Рубин, Бобынин, Спиридон Егоров, Руська Доронин, Хоробров, Герасимович, Потапов*.

В качестве объектов, которые стремятся получить свободу, могут выступать и целые группы людей: *крестьяне, массы, человечество*.

В большинстве случаев субъект освобождения не конкретизирован автором и не обозначен специально, тогда глагол *освободить* выступает в качестве предиката неопределённо-личного предложения, например: *В Верхне-Уральском изоляторе, например, из двухсот содержащихся освободили дюжину* [5, с. 223].

В результате действия, обозначенного глаголом *освободить*, объект становится свободным, то есть избавляется от каких-либо ограничивающих или стесняющих его обстоятельств или факторов. Освобождение предполагает устранение нежелательного фактора, мешающего человеку делать то, что он хочет, и достичь того, чего желает.

В подобных конструкциях на первый план выходит само действие, а не лица, которые его производят. Они мыслятся неопределённо. А.И. Солженицын тем самым подчёркивает, что субъектом освобождения является государственный строй, политическая система.

Однако в качестве субъекта освобождения может выступать Сталин. В романе единичны случаи, когда он назван пофамильно. Чаще всего автор использует другие номинации: *Хозяин, Вождь народов, Отец восточных и западных народов, Вождь Всего Прогрессивного Человечества, Мудрый Вождь, Пахан, Сам, Лучший Друг контрразведчиков, Друг всех народов, Корифей наук, Железная маска, Коба, Единодержец, Батька, Самый Родной и Любимый, Властитель, Величайший из всех Великих, Вождь мирового пролетариата, Собиратель славянства, Богоизбранный вождь, Мудрейший из Мудрейших, Отец, Всесильный, Корифей Языкознания, Отец и Друг, Лучший Ученик и Друг Ленина, Великий Кормчий.*

Значительно реже субъектами освобождения выступают тюремные надзиратели (*Шикин, Мышин, Смолоцидов, младшина*), министр госбезопасности (*Абакумов*).

По мнению М.М. Голубкова, «истинно свободными людьми предстают в романе те из героев, что сумели найти свободу в собственной душе – внутреннюю, тайную свободу в пушкинском смысле. Их свобода не зависит от внешних обстоятельств – зигзагов Системы, расположения или нерасположения начальства. Лишённые системой всего – имущества, нормальной семьи, отцовства,

свободы, – эти герои способны осмыслить собственное положение как позитивное и забыть заботы самоустроения, обретя свободу внутреннего самостояния» [1, с. 66].

В этом смысле принципиальны размышления заключённого Бобынина, в которых писатель формулирует смысл свободы следующим образом: «Свободу вы у меня давно отняли, а вернуть её не в ваших силах, ибо её нет у вас самих. Лет мне от роду сорок два, сроку вы мне отсыпали двадцать пять, на каторге я уже был, в номерах ходил, и в наручниках, и с собаками, и в бригаде усиленного режима – чем ещё можете мне грозить? Чего ещё лишитесь? <...> Вообще, поймите и передайте там, кому надо выше, что вы сильны лишь постольку, поскольку отбираете у людей не всё. Но человек, у которого вы отобрали всё, – уже не подвластен вам, он снова свободен» [5, с. 105]. Свобода, о которой говорится, отнюдь не внешняя. Это внутренняя свобода, которая свойственна людям, живущим напряжённой духовной жизнью. Этим даром наделены главные герои произведения: Нержин, Сологдин, Герасимович, Бобынин, Потапов.

Таким образом, особенности лексической репрезентации концепта **шарашка** в романе «В круге первом» позволяют сделать вывод о его особом месте в языковой картине мира писателя. Ядерные семантические компоненты данного концепта обнаруживают непосредственную связь с ключевыми для творчества А.И. Солженицына концептами **воля** и **свобода**, расширяющими и углубляющими его смысловое пространство.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Голубков М.М. А.И. Солженицын. В круге первом. М., 2002. 89 с.
2. Злобин А.А. Русский концепт «свобода»: от словаря к тексту (на материале произведений А. И. Солженицына) // Мир русского слова. 2009. № 1. С. 90-93.
3. Злобин А.А. Художественный концепт ВОЛЯ в языковой картине мира А.И. Солженицына // Проблемы полиграфии и издательского дела. М., 2010. № 6. С. 102-106.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений. – М.: Азъ Ltd, 1992. 960 с.
5. Солженицын А.И. В круге первом. М.: Художественная литература, 1990. 766 с.
6. Толковый словарь к XX веку. Языковые изменения / под ред. Г.Н. Складчиковой. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.
7. Шмелёв А.Д. Лексический состав русского языка как отражение русской души // Русский язык в школе. 1996. №4. С. 33-36.